

УДК 327.51; 327.57

DOI: 10.31857/S268667300011804-4

Принципы и подходы к решению региональных проблем: США и западные союзники в Совбезе ООН при Д. Трампе

А.А. Синдеев

Институт Европы РАН.

Российская Федерация, 125993 Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3б

ORCID 0000-0001-5016-7931

e-mail: a_sin74@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.07.2020.

Резюме: Статья завершает мини-серию, посвящённую перспективам американо-европейских отношений. В двух предыдущих статьях («Два сценария американо-европейских отношений» и «Поиск стратегии: США и западные союзники в Совете Безопасности ООН при Д. Трампе»), опубликованных в № 10 журнала за 2019 г. и в № 5 за 2020 г., речь шла о стратегическом взаимодействии. В этой статье акцент сделан на оперативном, или тактическом, уровне контактов между Соединёнными Штатами и их ведущими союзниками в Европе – Великобританией, Францией и ФРГ. Цель состояла в том, чтобы выявить и изучить используемые принципы и подходы; определить, насколько они совпадают, чем отличаются и к чему это способно привести. Под принципами понимается определённый комплекс идей. Исследованный «американский материал» сгруппирован по трём блокам: североамериканская ядерная проблема, афганское урегулирование и африканский комплекс проблем. Применительно к «европейскому материалу» автор поступил иначе: был рассмотрен один из алгоритмов согласованного подхода Великобритании, Франции и ФРГ. Продолжение исследования в данном направлении имеет, по мнению автора, важное практическое значение, поскольку позволяет России через её экспертное сообщество влиять на наметившиеся в интеллектуальном пространстве Запада тренды. Статья состоит из методологического подраздела, четырёх основных подразделов, заключения и носит дискуссионный характер.

Ключевые слова: США, ЕС, Трамп, Совет Безопасности, солидарство, стратегия Запада

Для цитирования: Синдеев А.А. Принципы и подходы к решению региональных проблем: США и западные союзники в Совбезе ООН при Д. Трампе. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020;50(10):26-44. DOI: 10.31857/S268667300011804-4

Principles and Approaches to Solving Regional Problems: the United States and its Western Allies in the UN Security Council under D. Trump

Alexei A. Sindeev

Institute of Europe (Russian Academy of Sciences),

11-3b, Mohovaya Str., 125993 Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0001-5016-7931

e-mail: a_sin74@mail.ru

Received 22.07.2020.

Abstract: This article ends the mini-series, which consists of three articles. Two of these were published in issue 10 (2019) and issue 5 (2020) of this magazine under the titles "Two Scenarios of U.S. - European Relations" and "Search for a Strategy: the United States and Western Allies in the UN Security Council under D. Trump". These two articles were about strategic cooperation between the United States and its leading allies (United Kingdom, France and Germany) in Europe. This article is dedicated to the operational tactical level. The aim was to research the principles and approaches, as well as to determine to what extent they agree and to what extent they differ from each other and what these similarities and differences can lead to. Principles are understood to mean certain complexes of ideas with the help of which international relations can be organized. The so-called American material was divided into three groups: the North Korean nuclear weapons problem, the peace solution for Afghanistan and African problems. As for the European material, the choice of the author was different. He explained an algorithm used by the United Kingdom, France and the Federal Republic. The continuation of scientific work in this problem area is also of practical importance. The Russian Federation can then try to influence the current trends with the help of the community of experts and fill them with the content that takes into account the Russian viewpoint. The article consists of a methodological subsection, four main subsections and a conclusion. The article has a discussion character.

Keywords: USA, EU, Trump, Security Council, co-leadership, strategy of the West.

For citation: Sindeev A.A. Principles and approaches to the solution regional problems: the United States and Western allies in the UN Security Council under D. Trump. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020; 50(10):26-44. DOI: 10.31857/S268667300011804-4

ВВЕДЕНИЕ, ИЛИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение принципов и подходов к региональным проблемам, которыми заняты страны коллективного Запада, позволяет рассмотреть оперативный уровень сотрудничества США с Великобританией, Францией и ФРГ с точки зрения ценности данного сегмента отношений в очередной период трансформации национальных государственных моделей и системы международных отношений, определить перспективы сбалансированного сотрудничества Соединённых Штатов и их ведущих европейских союзников.

С учётом того, что международная среда представляет собой организованный во времени и пространстве сложный постоянно (видо)изменяющийся континуум связей, процессов и участвующих в них в центре и на периферии акторов, выводы, полученные при преференции одного процесса, актора или их группы, являются лишь гипотезами и не могут претендовать на универсальность. Последнее замечание обязывает автора сделать три пояснения – институционально-содержательного, пространственно-содержательного и терминологического характера.

Совет Безопасности ООН превратился в международный корпоративный орган, в котором происходят подготовка и согласование возможных на данный временной период подходов и решений. Во всякой корпорации имеются те, кто остаётся довольным её работой и готовым, пусть и медленно, но идти эволюционным

путём, отстаивать принципы уставных документов и значение сложившихся структур. Однако присутствуют и противники так называемых полумер, для которых перспектива эволюции может, по их оценкам, сопровождаться ненужным распылением сил и приводить к потере влияния. Они заинтересованы в актуализации стратегического поиска, а может быть и в появлении альтернативных (конкурирующих) корпораций.

Благодаря утвердившимся с помощью корпоративности традициям и инструментарию дискуссии вокруг стратегической направленности [Синдеев, 2020] можно приостановить, если повысить эффективность оперативного, или тактического, уровня, а параллельно и информирование общественности о достигаемых результатах. Тогда нежелательные последствия реформ наверняка перевесят неочевидные перспективы «радикального улучшения» международной среды. Исходя из этого, американско-европейские контакты в Совбезе ООН в ракурсе разрешения региональных проблем дают возможность проанализировать потенциал и границы действий сторонников эволюционного развития.

Что касается западной цивилизации, то, с одной стороны, речь применительно к ней идёт о географическом, историческом, политологическом, экономическом и культурологическом явлении, где в качестве объединяющих начал выступает субстрат индивидуальных и коллективных идей, воспоминаний, непрерывно переживаемого и привычного, который обобщённо принято называть идентичностью и который оказывается сплётён сетью разнообразных институтов и процессов. С другой стороны, те же переживаемые и привычные феномены не представляют единых для всех стран и культур категорий. Западная цивилизация, таким образом, многомерна и априори полицентрична. Теперешний этап её исторического развития заключается в новом раскрытии полицентричности, без серьёзного осмысления которой прогнозирование отношений США и их ведущих европейских союзников не имеет большого смысла.

Принципы и подходы первыми подвергаются воздействиям и изменениям. Под принципами в статье понимается определённый комплекс идей, с помощью которых происходят организация деятельности, иерархизация приоритетов, не допускается нарушения внешнеполитического континуитета. Принципы бывают фундаментальными (по-иному их можно назвать установками, поскольку они фиксируют рамки и задают направление) и инструментальными. Статья посвящена фундаментальным принципам.

Подходы – это составная часть стратегий достижения цели. Они реализуются через применение принципов. Подходы, по мнению автора, подразделяются на универсальные, свойственные политической культуре и данному виду профессиональной деятельности, и индивидуальные, возникшие благодаря таланту, личному опыту, пониманию заданной цели, принципов-установок, ограничителей, инструментальных принципов и универсальных подходов.

Региональные проблемы в статье не противопоставляются друг другу, а воспринимаются в качестве различных подуровней системы отношений США и их

ведущих союзников в Европе. Выбор оперативного (тактического) уровня обусловил классификацию проблем на так называемые *субстанционные*, приоритетные для Соединённых Штатов, *важные*, которые можно решать в широком временном окне, и *проблемы союзников*.

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ И СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА

Стремление Северной Кореи подняться до статуса ядерной державы считается «наибольш[ей] угроз[ой] для национальной безопасности Соединённых Штатов» [17: 6]. Опасность «северокорейской ядерной атаки на Сеул и Токио реальна, – заявил госсекретарь США Р. Тиллерсон 28 апреля 2017 г. в Совете Безопасности. – Это лишь вопрос времени, когда у Северной Кореи появится потенциал для нанесения удара по континентальной части Соединённых Штатов». Необходимо, аргументировал Р. Тиллерсон, меры «для устранения самой главной угрозы безопасности в мире», иначе предстоит иметь дело с «катастрофически[ми] последстви[ями]» [4: 4].

Приняв во внимание то, что «на протяжении... 24 лет, северокорейская ядерная программа стала более широкомасштабной» [11: 4], США объявили об отказе от «политики стратегического терпения» [см. дополнительно: Цао Хуэйлинь, 2019], призвали партнёров «работать... над новым подходом», «усилить дипломатическое и экономическое давление на северокорейский режим», «приостановить дипломатические отношения с Северной Кореей или понизить их уровень» [4: 4-5], иными словами создать систему «глобальных мер реагирования» [5: 3], «использовать все имеющиеся в... распоряжении дипломатические средства» [11: 4] в рамках «мирн[ой] кампани[и] по оказанию давления на Северную Корею... с целью определения условий для участия... в серьёзных переговорах» [17: 6], успех которых, по всей видимости, был поставлен в зависимость от масштаба первоначального обострения, хотя Р. Тиллерсон и отмечал: «Кампания по оказанию давления должна и будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнута денуклеаризация» [17: 7].

Северокорейская несговорчивость, неэффективность госструктур в КНДР («режим... морит свой народ голодом и эксплуатирует его рабский труд» [10: 2], «подрывает возможность дипломатического урегулирования» [8: 3]) и в совокупности с ошибками международного сообщества превращает санкционное давление, с точки зрения постоянного представителя США в Совбезе ООН Н. Хейли, в адекватное средство. Неслучайно Н. Хейли призвала коллег учесть и экстерриториальные санкции: «Наши меры, – констатировала она, – будут направлены не только на Северную Корею. Они будут приняты в отношении любой страны, которая решит вести дела с этим *преступным* режимом (здесь и далее в цитате курсив мой. – А.С.). Мы не потерпим попыток затянуть время или уговоров о принятии более смягчённого варианта резолюции» [8: 4]. Очевидно, что ставки сознательно

завышались. «Соединённые Штаты, – подчёркивал Р. Тиллерсон, – хотели бы, чтобы соответствующие страны и народы признали свои ошибки и самостоятельно исправили их» [4: 5].

Международному сообществу, согласно установкам американцев, предстояло продемонстрировать зрелость и остановить нарушение международного права «режимом-изгоем». 5 июля 2017 года Н. Хейли оптимистично заметила, что «сообщество может и должно сделать больше в дипломатическом и экономическом плане» [8: 4]. При этом американцы оставляли открытыми и другие опции. Парадоксальное на первый взгляд заявление («Этот кризис выходит далеко за рамки системы Организации Объединённых Наций» [11: 5]) можно интерпретировать и как угрозу решить проблему иным способом, если сообщество не сможет объединиться и остановить зарвавшегося «изгоя». «Дипломатические и финансовые рычаги давления следует подкреплять готовностью, – уточнял Р. Тиллерсон, – отвечать на агрессию Северной Кореи военными действиями» [4: 5].

В речах американских дипломатов наряду с привычными отсылками к правам человека («Кризис в Северной Корее – это кризис прав человека, мира и безопасности») появились и иные аргументационные линии. «То, что мы сделаем в связи с проблемой Северной Кореи, – замечала Н. Хейли 4 сентября 2017 г., – в значительной мере определит то, какой образ действий выберут другие страны-изгои, стремящиеся заполучить ядерное оружие» [11: 5]. Самый простой анализ данной цитаты доказывает, что страны-изгои в мире, по мнению официального Вашингтона, не исчезнут, а значит в ситуации с Пхеньяном необходимо создавать прецеденты.

Северокорейская ядерная проблема предоставила КНР шанс заключить с американцами более масштабную сделку и избежать сползания к «тарифной войне». Американцы в Совбезе ООН демонстрировали принципиальную готовность иметь дело с КНР как со страной-лидером: «мы знаем, – убеждала Н. Хейли Совбез 29 ноября 2017 г., – что главной движущей силой... ядерного производства [Пхеньяна] является нефть... Основным поставщиком этой нефти является Китай... Нам нужно, чтобы *Китай сделал больше* (здесь и далее в цитате курсив мой. – А.С.). Китай *должен сыграть роль лидера* и довести дело до конца. *Китай может сделать это сам*, или же мы можем взять ситуацию с нефтью в свои руки» [16: 6-7].

Даже на фоне развернувшейся «тарифной войны» Соединённые Штаты длительное время не хотели обострять в ООН отношения с КНР [ср.: Кондрашова, 2018; Приходько, 2019 (b)]. В качестве подтверждения приведу пример вербальной атаки в Совете Безопасности на нашу страну. Пекин американским постоянным представителем сознательно не упоминался; ему лишь показали, на что китайское руководство должно настроиться, если не согласится пойти навстречу Вашингтону. «Россия..., – заявила Н. Хейли 17 сентября 2018 г., – просит смягчить... санкции... Почему после того, как в 11 разных случаях Россия проголосовала за введение санкций, теперь она хочет их смягчить? Мы знаем ответ. Это происходит потому, что Россия жульничала, а теперь её поймали на этом... Нарушения носят систематический характер. Россия не просто закрывала глаза, когда её граждане

и юридические лица участвовали в деятельности, непосредственно запрещённой санкциями Организации Объединённых Наций; Россия участвовала в спланированной кампании в Совете Безопасности, чтобы скрыть нарушения санкций, будь то со стороны России или граждан других государств» [22: 4].

Поскольку президенту Д. Трампу были необходимы международные успехи, американская дипломатия была сориентирована на организацию прямого диалога с Ким Чен Ыном [Шарафетдинова, 2018; Воронцов, 2018], а госсекретарь М. Помпео 27 сентября 2018 г. заговорил о «заре новой эпохи», не забыв, правда, в контексте континуитета дипломатической линии страны упомянуть в Совбезе ООН о «концепции свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона... построении[и] сильных, суверенных, взаимосвязанных, процветающих и мирных государств» и обратить внимание коллег и, в первую очередь китайской стороны, на то, что США «никогда не удастся в полной мере реализовать эту концепцию, если... [они] не суме[ют] добиться... преобразований на Корейском полуострове» [24: 3].

Спустя почти пятнадцать месяцев новый постоянный представитель К. Крафт довольно неожиданно отметила: «Мы не требовали, чтобы Северная Корея выполнила все условия перед тем, как мы сделаем хоть что-нибудь. Соединённые Штаты готовы проявлять *гибкость* (здесь и далее в цитате курсив мой. – А.С.) в своём подходе к этому вопросу. Мы признаём *необходимость сбалансированной договорённости и параллельных действий*, учитывающих интересы всех сторон... нам *нужен надёжный партнёр* для ведения переговоров» [29: 18-19].

Таким образом, действия других стран (либо из-за нежелания превращаться в «надёжных партнёров», либо из-за стремления помешать «концепции свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона») подтверждали для сторонников концепции «Америка прежде всего» (*America First*) верность установки Д. Трампа отказаться от широкой многосторонности.

В связи с этим американцам приходилось рассчитывать на европейских союзников и на механизм *ad hoc* коалиций, пригодных для работы над конкретной проблемой. На первый взгляд, особой новизны в *ad hoc* коалициях нет. Однако в условиях трансформации международной системы практика их использования помогла бы упорядочить взаимодействие, подразделяя страны на союзников, практически всегда поддерживающих стратегическую и тактическую линии, и партнёров, не возражающих время от времени выступать на стороне Америки. Кроме того, официально утвердился бы принцип обязательной компенсации за оказанные услуги, выстроились бы, независимо от нахождения Д. Трампа на посту президента, отношения, схожие с деловыми сделками.

США, по всей видимости, надеялись через зондаж в Совбезе ООН вывести Китай из зоны комфорта и начать вписывать его в систему *ad hoc* коалиций, в том числе через «гибкость», «сбалансированные договорённости» и «параллельные действия». Если бы Пекин открыто выразил согласие подумать об этом, то единству

западных стран был бы нанесён ощутимый удар. Европейцам пришлось бы распрощаться с простыми декларациями о важности их самостоятельности и в спешном порядке искать запасные решения, что не изменило бы главного: в наиболее значимых для Америки вопросах, когда она стремится относительно быстро получить реальные результаты, европейцы пока не обладают действенным инструментарием и не в состоянии в полной мере быть полезными Вашингтону. В этом заключены причины потенциальных конфликтов между США и их основными союзниками в Европе, а также заложен шанс для Пекина выстроиться, в том числе и из-за крайней нежелательности преждевременного открытого обострения, сотрудничество с американцами в рамках разных общественно-политических систем, но относительно общей стратегии; сделать то, что ранее не удалось Советскому Союзу.

Не стоит забывать: осторожные попытки сближения с КНР осуществлялись параллельно с ужесточением антикитайской риторики в программных документах, посвящённых безопасности и обороне.

ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА: США И АФГАНСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Ситуация в Афганистане принципиально иная: в среднесрочной перспективе непосредственная угроза Америке отсутствует. Правительство страны не является «изгоем», не возражает работать над «построени[ем] безопасного, инклюзивного и демократического Афганистана для всех афганцев» [1: 25]. Да и у Государственного департамента даже с учётом нажима Белого дома в распоряжении больше времени для решения афганской проблемы, так как всегда можно пояснить президенту, что за действиями американцев, их успехами и неудачами пристально наблюдают «геополитические конкуренты».

Поэтому Вашингтону, критикуя статус-кво, приходится демонстрировать терпение, настаивать на делегировании ответственности правительству страны («Это наш вклад в поиски политического решения» [18: 27]), подчёркивать сложность внутриафганского урегулирования по формуле «прочный мир = переговоры + компромисс» и оттачивать инструментарий. «Соединённые Штаты, – отметила заместитель постоянного представителя М. Сайсон, – проводят обзор своего участия и позиции в отношении безопасности в Афганистане. Считаю важным найти время и убедиться в том, что мы выполняем наши обязательства перед Афганистаном наиболее эффективным образом» [7: 12].

С одной стороны, США высказались за многосторонность («Прочный мир и подлинная стабильность в Афганистане могут быть обеспечены лишь при условии приверженности этим целям ближайших и далёких соседей Афганистана» [7: 13]), «приз[вали] соседние с Афганистаном государства и международное сообщество усилить давление на "Талибан" с тем, чтобы заставить его сесть за стол переговоров с правительством Афганистана» [1:25], не забыли отметить позитивную роль и значение ООН («Поддержка... гражданского населения, в том числе в

реформировании избирательной системы, укреплении государственных институтов Афганистана, соблюдении прав человека и улучшения положения женщин, – всё это сохранит решающее значение в предстоящие годы» [18:27]). С другой стороны, как и в северокорейском вопросе, США попытались вписать афганское урегулирование в «концепцию принципиального реализма» и в собственную региональную стратегию. «Одним из ключевых принципов нашей новой стратегии для Южной Азии, – заметила М. Сайсон, – является признание того, что безопасность и стабильность в Афганистане неразрывно связаны с безопасностью и стабильностью во всём регионе» [12:9].

Впрочем, и здесь многосторонность могла стать реальностью только на основе приемлемых для американцев правил и ценностей. Противоречия не скрываются. В одном и том же выступлении, к примеру, присутствуют два исключаяющих друг друга положения: *«Мы не собираемся навязывать наш образ жизни (здесь и далее в цитате курсив мой. – А.С.), – сказала М. Сайсон, – однако будем отстаивать наши ценности без каких-либо оправданий. Мы будем налаживать партнёрские отношения на основе этих ценностей. Мы будем создавать союзы на основе сотрудничества и принципа взаимности»* [18:27].

Более того, США собираются и дальше *«пропагандировать* (курсив мой. – А.С.) роль гражданского общества в формировании и укреплении консенсуса в отношении мирного процесса во всех слоях афганского общества» [19:24], то есть, по сути, влиять на эволюцию государственной и общественной моделей в нужном им направлении.

Демократический транзит в мусульманском обществе помогает, по мнению американских дипломатов, обеспечить *«довери[е] народа к целостности системы»* [23:28]. Благодаря демократическим достижениям Афганистана талибам якобы предстоит *«объяснить, какой они видят свою роль в быстро развивающемся афганском обществе, где афганские мужчины и женщины могут свободно высказывать своё мнение, выбирать своих лидеров и помогать формировать государственные реформы»* [19:24]. Иными словами, *«[т]алибы должны принять решение – они могут стать рудиментом старого Афганистана или процветать в новом»* [23: 28].

Официально американцы полагают, что, поддерживая демократические правила и ценности, они добьются изменения Афганистана изнутри. При этом не ясно, как после ухода иностранных войск будет проходить демократизация страны, когда завершится *«внутриафганский диалог, ведущий к внутриафганским переговорам»*, и будет ли достигнуто *«окончательное и полное прекращение огня»* [28:19].

Благодаря позиции США для европейских союзников более важным становится не длительность присутствия военных в Афганистане, а настрой американцев на демократизацию страны и серьёзность предпринимаемых шагов. Если у Великобритании, Франции и ФРГ с отсылкой к *«налаживанию партнёрских отношений на основе ценностей»* получится убедить Соединённые Штаты в том,

что программа демократизации Афганистана предполагает совместное американско-европейское политическое и дипломатическое сопровождение, то западные ценности продолжают играть весомую роль в евроатлантических отношениях.

Теперешняя администрация, по всей видимости, работает над другим сценарием: переложить демократизацию на плечи афганцев и наблюдать со стороны за этим процессом. Данный сценарий пока не выгоден ведущим европейским союзникам Америки, поскольку он не укрепляет оперативное взаимодействие США и ЕС, а в перспективе способен размыть традиционную основу сотрудничества.

ПРОБЛЕМЫ СОЮЗНИКОВ: США И АФРИКА

Африка – сложный и противоречивый континент. США имеют там военные базы, отслеживают положение, проводят операции с участием «спецназа и... беспилотников» [см. подробнее: Пархоменко, 2019: 59; Урнов, 2018], то есть ограничиваются общим контролем и необходимым «точечным» вмешательством.

В силу многообразия стран и их отличий успешно реализовать единую африканскую стратегию не представляется возможным, поэтому установки американской дипломатии в Совбезе ООН применительно к Африке вполне можно интерпретировать в качестве базовых, без которых в принципе не должно происходить разрешение региональных конфликтов.

Таких установок, по мнению автора, восемь. *Первая* – осуществлять мониторинг угроз. Чем больше число угроз, тем, естественно, выше интерес Америки в их устранении.

Вторая установка состоит в важности посредничества, когда вмешательство и (или) излишняя ответственность, с точки зрения американцев, оказываются неуместными. «Соединённые Штаты, – заявила постоянный представитель страны в Совбезе Н. Хейли, – считают, что наилучшим способом устранения разногласий является диалог» [3: 21], посредником в котором может выступить ООН. В этом случае странам, сторонникам мультилатерализма, следует как можно быстрее фиксировать проблемные ситуации, создавать прецеденты многосторонности, игнорировать которые американцам будет по крайней мере затруднительно.

Третья установка – получать согласие правительств, участников конфликта, на сотрудничество с международными организациями: «подлинный прогресс, – отметила Н. Хейли, – может быть достигнут только..., если усилия Организации Объединённых Наций и других сторон будут сопровождаться подотчётностью со стороны правительств стран, вовлечённых в конфликт» [9: 32]. Сторонники мультилатерализма способны использовать привычные дипломатические средства, договариваться между собой и, по возможности, с вовлечёнными в конфликт правительствами о максимально допустимой формуле подотчётности. Отрицательный результат маловероятен, поскольку «сотрудничество с международными организациями» едва ли вызовет протест, а «подотчётность» может наступить позднее и в усечённом виде.

Четвёртая установка – делать ставку не только на государственных акторов («надёжных партнёров»), но и на политических лидеров. «Лидеры Ливии, – заметила М. Сайсон, – могут вывести страну на путь к большей стабильности и экономическому процветанию, в полной мере взаимодействуя с политическим процессом Организации Объединённых Наций» [15: 17]. Ситуативность установки затрудняет действия мультилатералистов, потому что успешность её реализации предполагает длительную предварительную работу с гражданским обществом и хорошее знание ситуации. Подобная работа, как правило, ведётся лишь в отдельных странах и регионах.

Пятая установка – содействовать появлению эффективных институтов и программ их деятельности. «Важнейшим условием предотвращения насилия, – констатировала Ч. Норман-Шале, заместитель постпреда США, – являются обеспечение рационального и компетентного управления и наличие дееспособных и подотчётных сил безопасности» [30: 7]. США выступают, в частности, за то, чтобы было «обеспечено функционирование представительных и инклюзивных органов управления. Это предполагает доступ к основным услугам и ресурсам и надлежащий спрос с тех руководителей, которые не справляются с решением... задач» [30: 8], поскольку «безопасность, управление и развитие тесно взаимосвязаны, и страны не могут обеспечивать безопасность в долгосрочной перспективе без благого управления, экономического развития и уважения прав человека» [21: 22]. Данная американская установка идеальна для подключения экспертов. В качестве пояснения тезиса достаточно указать на превентивное совместное обсуждение экспертами и госслужащими из разных стран на международном уровне проблем управления в период глобализации и разработку многовариантных рекомендаций.

Шестая установка – создавать демократические структуры, внедрять «гибкое административное управление» [20: 22], агитировать за «общественный договор между гражданами и их правительствами» [30: 8]. Как и в предыдущем случае, международный экспертный диалог о сути, вариантах и границах демократии был бы чрезвычайно полезен при формировании общественного мнения [об американских сложностях см.: Бартенев, 2019].

Седьмая установка – активизировать взаимодействие межрегиональных организаций. «Африканский союз, – полагает Н. Хейли, – должен сотрудничать с субрегиональными организациями и отдельными государствами, с тем чтобы решать проблемы в области мира и безопасности с единых позиций» [9: 33].

Восьмая установка – обеспечивать вне ООН кооперацию между США и африканскими странами по приоритетным для Вашингтона направлениям [Урнов, 2019].

Развитие базовых установок позволяет усилить американо-европейские контакты, способствует разделению сфер влияния, повышает заинтересованность американцев в союзниках в Европе.

Одновременно с этим базовые установки, как показано выше, могут быть полезны странам, придерживающимся иного понимания многосторонности, для укрепления международного сотрудничества, «формирования новой полицентричной системы международных отношений» и давления на Америку.

ФРАНЦИЯ, ГЕРМАНИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: СУТЬ ОТВЕТА АМЕРИКАНЦАМ

Ведущие союзники США в Европе осознают, что имеющиеся в их распоряжении ресурсы крайне ограничены, поэтому необходимо выстраивать комплексные (всеобъемлющие) подходы к наиболее значимым для них регионам. В отношении Африканского континента примерный алгоритм выглядит следующим образом.

Шаг 1 – обоснование комплексности. Постоянный представитель Франции в Совбезе ООН Ф. Делатр признал, что «[з]акрепить стабильность удастся только посредством комплексной стратегии, направленной на преодоление политических и экономических проблем и проблем в области безопасности» [26:21]. М. Райкрофт, постоянный представитель Великобритании, заговорил о триаде «безопасность, экономика и политический процесс», а П. Уилсон, его помощник, заметил: «Всеобъемлющее политическое урегулирование, а также развитие и наращивание потенциала крайне необходимы для стабилизации положения» [6: 2]. Ж.-И. Ле Дриан, министр иностранных дел Франции, в контексте комплексности обратил внимание на фактор развития: «Без устойчивого развития не может быть прочного мира» [13: 12]. Позднее представитель Германии в Совбезе К. Хойсен дал определение устойчивым обществам: это «общества..., в которых уважают верховенство права и права человека и которые являются инклюзивными и защищают, а не изолируют меньшинства, а также обеспечивают значимое участие женщин и экономические перспективы» [31: 18].

Шаг 2 – согласование принципов комплексности, к которым, например, следует отнести: 1) *совместность и системность действий* («необходимо, – констатировал М. Райкрофт, – чтобы все заинтересованные стороны в регионе... вплотную взялись за устранение коренных причин кризиса и... вели борьбу с воинствующим экстремизмом» [2: 5-6]); 2) *оперативность* («Мы... должны, – продолжал М. Райкрофт, – не допустить, чтобы кризис принял затяжной характер» [2: 6]); 3) *поддержку правового стандарта.*

Последнее особенно важно для сохранения западной модели, поэтому, как и в случае с обоснованием комплексного подхода, звучат однотипные выступления. А. Геген, заместитель постпреда Франции, к примеру, полагала: «Нынешняя ситуация в Ливии в очередной раз указывает на то, что безнаказанность порождает отсутствие безопасности и стабильности» [14: 10]. К. Хойсен напомнил: «На территории Германии действовал один из первых международных судов по особо тяжким преступлениям – Нюрнбергский трибунал. Сегодня мы с гордостью поддерживаем эту традицию и отстаиваем то, за что выступал Нюрнбергский трибунал» [27: 10].

Шаг 3 – определение сути специализации и системной ответственности различных уровней в разрешении конфликтов, где ООН является хоть и значимым, но всё же одним из уровней, поскольку «Организация Объединённых Наций не в силах устранить... нестабильность в одиночку» [30: 16]. Наглядно суть разделённой ситуативной ответственности представлена в словах Ф. Делатра: «*Все стороны должны* (курсив мой. – А.С.), – сказал он, – внести свой вклад: Сахельская группа пяти – путём проведения в ближайшие несколько недель новых операций; доноры – посредством безотлагательной выплаты своих финансовых взносов; а Совет – взяв обязательство вновь вернуться к вопросу оказания Объединённым силам многосторонней поддержки, как только они начнут функционировать в полном объёме» [25: 12].

Шаг 4 – поддержание комплексности с помощью чёткого целеполагания, развития партнёрства со странами Африканского континента, расширения европейского участия, усиления государственных структур в конфликтных регионах и мониторинга эффективности. В ливийском вопросе Ф. Делатр сформулировал цель как «создание единой национальной архитектуры безопасности под руководством гражданских властей» [15: 10]. Примером развития партнёрства служит образованный в 2017 г. «Альянс сил в пользу Сахеля».

Что касается участия европейских стран, то достаточно вспомнить французские операции в Мали, сопредседательство Федеративной Республики в Глобальном контртеррористическом форуме [см. также: Денисова, Костелянец, 2020; Филиппов, 2020 (а); Соколов, 2020], а об усилении роли африканских государств свидетельствует заявление К. Хойсгена: «главную ответственность за решение своих собственных проблем должны нести сами государства, и в этом отношении их можно только поддерживать... думаю, эти усилия должны сопровождаться усилиями по развитию сотрудничества между Африканским союзом и Организацией Объединённых Наций. Мы должны выработать единый подход в рамках Организации Объединённых Наций... Мы должны восстановить доверие к правительствам стран региона» [30: 19].

Исходя из вышеизложенного необходимо сделать три промежуточных вывода:

- ведущие западные союзники США готовы брать на себя ответственность и добиваться реализации весомых долгосрочных целей, например, через «создание единой национальной архитектуры безопасности» в Сахеле. Сомневаюсь, что теперешний президент способен оценить значение данных усилий. Бесспорно другое: Франция, Великобритания и ФРГ согласны время от времени идти на *ad hoc* коалиции и развивать специализацию стран коллективного Запада;

- ООН, в их представлении, вынуждена будет подчас играть вспомогательную роль, обеспечивая легитимность коллективных действий;

- в условиях отсутствия единых (согласованных) приоритетов и разделения полномочий среди великих держав комплексный подход с участием отдельных стран размывает теперешнюю систему ООН.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Современность трудно изучать и объяснять. «Виной» тому не только нехватка внутренних документов администраций и правительств, но и различные исследовательские ракурсы. Если анализировать трансатлантические отношения линейно, в русле дополняющих друг друга программных установок, событий и конфликтов, то верны выводы, сделанные О.В. Приходько: «Во внешней политике Д. Трамп исходит в первую очередь из конкурентной природы международных отношений, где, по его мнению, могут быть лишь победители и побеждённые... Д. Трамп полагает, что изменившаяся ситуация требует иной модели американского доминирования в мире. По его убеждению, обострение глобального соперничества диктует необходимость обновления стратегического подхода США к отношениям не только с противниками, но и с теми, кто связан с Вашингтоном союзническими обязательствами... Д. Трамп стал первым американским президентом, который не только подверг сомнению некоторые базовые постулаты и институты мироустройства, сложившегося во второй половине XX века, но и де-факто отрёкся от них... Некоторые шаги администрации дают основание полагать, что Белый дом сознательно провоцирует разногласия между европейскими странами в вопросах, где сталкиваются интересы США и ЕС» [Приходько, 2019 (а): 7; Приходько, 2020: 34].

Если же исследовать действительность институционально, через подходы отдельных организаций, госструктур и через «мозговые центры» [Братерский, 2019; Самуйлов, 2020; Цветкова, Стругач, 2019], то окажется, что американцам приходится размышлять над «гибкостью» и «сбалансированными договорённостями»; «иная модель доминирования» до сих пор отсутствует, поэтому «отречение от некоторых базовых постулатов» и не приводит к разрушению сложившихся институтов, а провокации Д. Трампа играют крайне ограниченную роль в достижении желаемого результата. Вывод В.Б. Супяна об эклектичности подходов президента в экономике («это некий эклектический набор весьма разнообразных подходов, исходящих из соображений целесообразности, а не принципов» [Супян, 2019: 16]) по праву относится и к классическим политическим темам.

Основная заслуга Д. Трампа для стран западной цивилизации, думается, состоит в том, что с помощью обострения, логики дельца и слабого понимания международных взаимоотношений, а также без должного пиетета к наработкам прошлого, он ускорил поиск новой западной модели (со)лидерства и национального сплочения, повысил значение прагматичности в отношениях между союзниками и партнёрами («концепция принципиального прагматизма»), сделал данные тенденции необратимыми.

Даже без критики Д. Трампа большинству политиков в странах западной цивилизации было понятно, что прежние подходы к союзничеству с американским донорством и излишней ответственностью не имеют будущего. Длительное фи-

нансовое и содержательно несбалансированное использование американцев разрушает субстанцию союзнических отношений, затрудняет эволюционное их изменение. В связи с этим правильнее было бы говорить не «о смерти мозга в НАТО», а о смерти союзничества в прежнем виде, на что Э. Макрон решиться, конечно же, не смог.

К объективным тенденциям, не зависящим от Д. Трампа, относятся агрессивная внешняя среда, разворачивающаяся по-новому борьба ценностей и систем (демократия *vs* авторитаризма). США едва ли может устроить «объективный процесс формирования новой полицентричной системы международных отношений», следствием чего становятся «глобальная турбулентность, рост конкуренции на самых различных направлениях и в разных проявлениях», путанная иерархичная тематическая палитра.

Европейцы не смогут избежать серьёзного диалога о сути нового союзничества, правилах взаимодействия. Полицентричность, заложенная в западной цивилизации, способна помочь им успешно его провести. Свою лепту в успех диалога, наверняка, внесёт и стремление США создать систему «глобальных мер реагирования». Европейцам придётся приняться за большее число сложных и длительно решаемых проблем, где у американцев не хватает сил и времени. Европейцы могут заинтересовать американцев системностью и комплексностью подходов. Не сомневаюсь, что дифференцированное удержание США (работаем везде сообща, но по-разному) на основе гибких вариантов союзничества вскоре станет доминирующей концепцией взаимоотношений.

В противном случае реальна угроза превращения союзничества в бессистемные партнёрства с постоянными сделками и *ad hoc* коалициями. Если США, Великобритания, Франции и ФРГ удастся удержаться от массового внедрения *ad hoc* коалиций в союзнические отношения и не отойти от ценностного обоснования союзничества, то солидёрству Запада в XXI веке мало что угрожает, поскольку Китай вряд ли пойдёт когда-либо на равноправные союзнические отношения. Он останется державой, заботящейся, в первую очередь, о себе. От малой и средней страны в таком поведении угроз не исходит. В случае с большой державой данное поведение воспринимается как постоянная угроза остальным государствам, предопределяет целенаправленный поиск средств сдерживания. Поэтому не исключая, что КНР всё же придётся решиться на изучение возможности стратегического взаимодействия с Соединёнными Штатами, которое будет обосновываться как серьёзное и важное, а на самом деле должно будет помочь выигрывать время.

Теперешний малоубедительный ответ Евросоюза на так называемый вызов Д. Трампа будет, по всей видимости, расценен в исторической перспективе как политическая ошибка. Разве не являются ошибочными размышления о самостоятельности, появление которой вне эволюции существующих структур по крайней мере затруднительно? Разве верны одновременные ожидания ухода Д. Трампа, закули-

ная работа над солидностью Запада, гибким союзничеством и отказ от сотрудничества с гражданским обществом в данном проблемном комплексе? Время решений, принимаемых кулуарно, давно прошло. Интересно будет наблюдать, как ведущие союзники США в Европе вынуждены будут менять официальный дискурс в отношении своей самостоятельности и «геополитичности Комиссии».

В настоящее время нельзя не увидеть, что, помимо полицентричности западной цивилизации, сохраняется единство многих принципов и подходов, не происходит отречения от западного стандарта, допускается сотрудничество вне ООН и вспомогательная роль Организации, декларируется разделение ответственности, поддерживаются значимые для США темы, активно выстраивается или совершенствуется сеть двусторонних контактов в регионах [Филиппов, 2020 (b)], подготавливается переход к зонам влияния или зонам особой ответственности отдельных стран и групп стран.

Таким образом, сбалансированное сотрудничество при условии ведения диалога, использовании «стратегического терпения» и применении «принципиального прагматизма» имеет неплохие шансы на успех. Пока же, на фоне споров и взаимных претензий, складывается впечатление, что партнёрство важнее союзничества. Очевидно, что американская элита не захочет разрушить проверенное опытом сотрудничество.

За текущей аналитической работой следует помнить, что стратегический поиск не приостанавливался, о чём среди прочего свидетельствует оперативный, или тактический, уровень взаимодействия США с Великобританией, Францией и ФРГ в Совбезе ООН.

Что касается России, то она свой выбор сделала. Коллективному Западу он ясен. С одной стороны, это, полагаю, правильный выбор («самостоятельность, независимость, прагматизм, открытость, многовекторность, что означает желание сотрудничать и договариваться о взаимовыгодных проектах с любой страной, которая готова вести с нами отношения на базе равноправия и взаимной выгоды»); с другой – Россия почему-то всё больше ассоциируется в общественном мнении Запада с хакерскими атаками, фабриками фейковых новостей, пропагандой, стремлением вмешаться и повлиять на демократические процессы. Следовательно, используемые до сих пор средства недостаточно эффективны. Поэтому стоит задуматься и о новых формах работы в противоречивой плюралистичной среде стран Запада.

ИСТОЧНИКИ

1. Совет Безопасности: 7896-е заседание, 10 марта 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7896. 43 с.
2. Совет Безопасности: 7911-е заседание, 31 марта 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7911. 9 с.
3. Совет Безопасности: 7927-е заседание. 19 апреля 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7927. 25 с.
4. Совет Безопасности: 7932-е заседание. 28 апреля 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7932. 26 с.

5. Совет Безопасности: 7958-е заседание, 2 июня 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7958. 13 с.
6. Совет Безопасности: 7964-е заседание, 12 июня 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7964. 6 с.
7. Совет Безопасности: 7980-е заседание, 21 июня 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7980. 42 с.
8. Совет Безопасности: 7996-е заседание, 5 июля 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7996. 17 с.
9. Совет Безопасности: 8006-е заседание, 19 июля 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8006. 46 с.
10. Совет Безопасности: 8019-е заседание, 5 августа 2017 г. Документ ООН: Нью-Йорк, S/PV.8019. 15 с.
11. Совет Безопасности: 8039-е заседание, 4 сентября 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8039. 18 с.
12. Совет Безопасности: 8055-е заседание, 25 сентября 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8055. 40 с.
13. Совет Безопасности: 8080-е заседание, 30 октября 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8080. 38 с.
14. Совет Безопасности: 8091-е заседание, 8 ноября 2017 года. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8091. 21 с.
15. Совет Безопасности: 8104-е заседание, 16 ноября 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8104. 24 с.
16. Совет Безопасности: 8118-е заседание, 29 ноября 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8118. 21 с.
17. Совет Безопасности: 8137-е заседание, 15 декабря 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8137. 28 с.
18. Совет Безопасности: 8147-е заседание, 21 декабря 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8147. 46 с.
19. Совет Безопасности: 8199-е заседание, 8 марта 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8199. 47 с.
20. Совет Безопасности: 8212-е заседание, 22 марта 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8212. 32 с.
21. Совет Безопасности: 8266-е заседание, 23 мая 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8266. 31 с.
22. Совет Безопасности: 8353-е заседание, 17 сентября 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8353. 28 с.
23. Совет Безопасности: 8354-е заседание, 17 сентября 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8354. 42 с.
24. Совет Безопасности: 8363-е заседание, 27 сентября 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8363. 25 с.
25. Совет Безопасности: 8402-е заседание, 15 ноября 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8402. 32 с.
26. Совет Безопасности: 8448-е заседание, 18 января 2019 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8448. 27 с.

27. Совет Безопасности: 8523-е заседание, 8 мая 2019 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8523. 20 с.

28. Совет Безопасности: 8587-е заседание. 26 июля 2019 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8587. 27 с.

29. Совет Безопасности: 8682-е заседание. 11 декабря 2019 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8682. 21 с.

30. Совет Безопасности: 8685-е заседание. 16 декабря 2019 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8685. 25 с.

31. Совет Безопасности: 8743-е заседание. 11 марта 2020 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8743. 42 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартенев В.И., 2019. Американская помощь Египту после начала «арабской весны»: внутренние и внешние детерминанты. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 8, С. 54–74. DOI: 10.31857/S032120680005967-7

Братерский А.В., 2019. Роль «мозговых центров» в выработке политики по расширению НАТО. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 5, С. 39–54. DOI: 10.31857/S032120680004910-5

Воронцов А.В., 2018. Метаморфозы на Корейском полуострове 2018 г. *Азия и Африка сегодня*. № 11, С. 10–17. DOI: 10.31857/S032150750001782-2

Денисова Т.С., Костелянец С.В., 2020. Евросоюз, Китай и Африка: сотрудничество в области содействия международному развитию (проблемы и перспективы). *Азия и Африка сегодня*. № 1, С. 17–24. DOI: 10.31857/S032150750008160-8

Кондрашова Л.И., 2018. Американские ученые и политики об экономической стратегии Китая. *Азия и Африка сегодня*. № 2, С. 16–22.

Пархоменко В.К., 2019. Президент Б. Обама и милитаризация политики США в Африке. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 12, С. 53–66. DOI: 10.31857/S268667300007689-7

Приходько О.В., 2019 (а). Евроатлантическая политика Д. Трампа: особенности текущей повестки дня. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 11, С. 5–19. DOI: 10.31857/S032120680007283-5

Приходько О.В., 2019 (b). США – Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 4, С. 5–30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4

Приходько О.В., 2020. Конфликтующие интересы в европейской политике Д. Трампа и коллизии во взаимоотношениях союзников. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 1, С. 32–54. DOI: 10.31857/S268667300008055-0

Самуйлов С.М., 2020. Антиглобализм Д. Трампа и подходы «мозговых центров» США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 3, С. 25–43. DOI: 10.31857/S268667300008592-1

Синдеев А.А., 2020. Поиск стратегии: США и западные союзники в Совете Безопасности ООН при Д. Трампе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 5, С. 39–53. DOI: 10.31857/S268667300009425-7

Соколов А.П., 2020. Германская инициатива Compact with Africa: реальность и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. № 4, С. 50–53. DOI: 10.31857/S032150750009092-3

Супян В.Б., 2019. Государство и экономика: вариант Д. Трампа. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 5, С. 5–21. DOI 10.31857/S032120680004908-2

Урнов А.Ю., 2018. Дональд Трамп и Африка. Начальный этап. *Азия и Африка сегодня*. № 2, С. 3-9; № 3. С. 2-13.

Урнов А.Ю., 2019. Новая африканская стратегия администрации Д. Трампа. *Азия и Африка сегодня*. № 5, С. 6-13. DOI: 10.31857/S032150750004743-9

Филиппов В.Р., 2020 (а). «Плохая новость» для Эммануэля Макрона. *Азия и Африка сегодня*. № 4, С. 4-12. DOI: 10.31857/S032150750009087-7

Филиппов В.Р., 2020 (b). Турне Э. Макрона по странам Африканского рога. *Азия и Африка сегодня*. № 1, С. 10-16. DOI: 10.31857/S032150750008159-6

Цао Хуэйлинь, 2019. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий Б. Обамы и Д. Трампа по отношению к Северной Корее. *Азия и Африка сегодня*. № 10, С. 55-60. DOI: 10.31857/S032150750006527-1

Цветкова Н.А., Стругач Ф.Г., 2019. США в АТР. Влияние экспертного сообщества на процесс принятия внешнеполитических решений. *Азия и Африка сегодня*. № 3, С. 18-23. DOI: 10.31857/S032150750004065-3

Шарафетдинова А.И., 2018. Трамп vs Ким: от военного устрашения к рукопожатиям. *Азия и Африка сегодня*. № 7, С. 18-21. DOI: 10.31857/S032150750000093-4

REFERENCES

Bartenev V.I., 2019. U.S. Assistance to Egypt after the Arab Spring: Domestic and External Determinants. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 8, P. 54-74. DOI: 10.31857/S032120680005967-7

Bratersky A.V., 2019. The Role of American Think Tanks in the NATO Enlargement Policy Formulation Process. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 5, P. 39-54. DOI: 10.31857/S032120680004910-5

Denisova T.S., Kostelyanets S.V., 2020. The European Union, China and Africa: cooperation in the field of international development assistance (Problems and Perspectives). *Asia and Africa today*. No 1. P. 17-24. DOI: 10.31857/S032150750008160-8

Filippov V.R., 2020 (a). "Bad news" for Emmanuel Macron. *Asia and Africa today*. No 4, P. 4-12. DOI: 10.31857/S032150750009087-7

Filippov V.R., 2020 (b). E. Macron's tour in the countries of the African Horn. *Asia and Africa today*. No 1, P. 10-16. DOI: 10.31857/S032150750008159-6

Huilin Cao, 2019. Comparative Analysis of U.S. Policy toward North Korea under the Obama and the Trump Administration. *Asia and Africa today*. No 10, P. 55-60. DOI: 10.31857/S032150750006527-1

Kondrashova L.I., 2018 American scientists and politicians on China's economic strategy. *Asia and Africa today*. No 2, P. 16-22

Parkhomenko V.K., 2019. President B. Obama and Militarization of USA Africa Policy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 12, P. 53-66. DOI: 10.31857/S268667300007689-7

Prikhodko O.V., 2019 (a). D. Trump's Euro-Atlantic policy: features of the current agenda. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 11, P. 5-19. DOI: 10.31857/S032120680007283-5

Prikhodko O.V., 2019 (b). The United States – Europe: The Chinese Variable and Limits of Transatlantic Solidarity. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 4, P. 5-30. DOI: 10.31857/S032120680004355-4

Prikhodko O.V., 2020. Conflicting interests in D. Trump's policy towards Europe and collisions in the transatlantic relationship. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 1, P. 32-54. DOI: 10.31857/S268667300008055-0

Samuylov S.M., 2020. Anti-globalism of D. Trump and approaches of U.S. brain trusts. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 3, P. 25-43. DOI: 10.31857/S268667300008592-1

Sharafetdinova A.I., 2018. Trump vs Kim: intimidation tactics. *Asia and Africa today*. No 7, P. 18-21. DOI: 10.31857/S032150750000093-4

Sindeev A.A., 2020. Search for a strategy: the United States and Western allies in the UN Security Council under D. Trump. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 5, P. 39-53. DOI: 10.31857/S268667300009425-7

Sokolov A.P., 2020. German compact with Africa initiative: reality and prospects. *Asia and Africa today*. No 4, C. 50-53. DOI: 10.31857/S032150750009092-3

Supyan V.B., 2019. The State and Economy: D. Trump's Version. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 5, P. 5-21. DOI 10.31857/S032120680004908-2

Tsvetkova N.A., Strugach F.G., 2019. United States in Asia-Pacific region. Expert community's impact on the presidential decision-making. *Asia and Africa today*. No 3, P. 18-23. DOI: 10.31857/S032150750004065-3

Urnov A.Y., 2018. Donald Trump and Africa. The initial stage. *Asia and Africa today*. No 2, C. 3-9; No 3. C. 2-13

Urnov A.Y., 2019. Trump Administration's New Africa strategy. *Asia and Africa today*. No 5, P. 6-13. DOI: 10.31857/S032150750004743-9

Voronzov A.V., 2018. The Korean peninsula metamorphoses in 2018. *Asia and Africa today*. No 11, P. 10-17. DOI: 10.31857/S032150750001782-2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИНДЕЕВ Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Российская Федерация, Москва 125009, Моховая ул., д.11, стр.3б.

Alexei A. SINDEEV, Doc. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3b, Mohovaya St., Moscow 125009, Russian Federation.